

НИКОЛАС БЛЕЙК

Николас Блейк
(наст. имя Сесил Дей-Льюис,
1904–1972) – знаменитый английский
поэт и критик, признанный мастер
криминального романа. Ценители
«большой» литературы называют
его гением, а миллионы читателей
наслаждаются детективами, которые
он писал для развлечения.

Любимый герой Блейка Найджел
Стрейнджуэйс – истинный джентльмен,
талантливый детектив-любитель
и прекрасный психолог.

НИКОЛАС

БЛЕЙК

УБИЙСТВО
НА ПИВОВАРНЕ

.....

ЧУДОВИЩЕ
ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б68

Серия «Золотой век английского детектива»

Nicholas Blake

THERE'S TROUBLE BREWING
THE BEAST MUST DIE

Перевод с английского *Ю. Балясова* («Убийство на пивоварне»)
М. Клеветенко («Чудовище должно умереть»)

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов
Peters, Fraser and Dunlop Ltd и The Van Lear Agency LLC.

Блейк, Николас.

Б68 Убийство на пивоварне. Чудовище должно умереть :
[сборник] / Николас Блейк ; [пер. с англ. Ю. Балясова,
М. Клеветенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
416 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-088105-5

Кто лишил жизни богатого пивовара Юстаса Баннета — причем тем же жестоким способом, каким незадолго до этого был убит его любимый пес? Супруга, уставшая от его оскорблений? Работники пивоварни, над которыми он буквально издевался? Муж одной из красавиц, которым он не давал прохода? Или младший брат Джо, которому он сломал жизнь?..

Провинциальная полиция теряется в догадках. Найджел Стрейнджуэйс соглашается помочь...

В убийстве аристократа Джорджа Рэттери полиция подозревает знаменитого писателя Фрэнка Кернса. Ведь Рэттери недавно сбил насмерть маленького сына Кернса и скрылся с места преступления...

Мсть обезумевшего от горя отца — чем не мотив? Однако Найджел Стрейнджуэйс, в чьи руки попадает дневник подозреваемого, уверен: всё не так просто, как кажется...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Nicholas Blake, 1937, 1938

 Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-088105-5

Убийство на пивоварне

Посвящается Джойс и Тедди

Все персонажи, места и компании в этой книге вымышлены. Автор выражает признательность господам Х. Сандеману Аллену, Ф. У. Хэндзу и К. Миду за помощь с техническими деталями.

Глава 1

23 апреля, 16 июля

Собака шутя начнет, да не на шутку разойдется.

Пословица

Говорят, даже самой паршивой собаке хоть раз, да повезет. Впрочем, крайне сомнительно, согласился ли бы Трюфель при жизни с таким утверждением. Погони за кроликами, невыразимо прекрасные кучи мусора, душевные встречи с товарищами на перекрестках — все те запретные удовольствия, что скрашивают уединенную жизнь собак из высшего общества, были не для него. Юстас Баннет держал своего пса (как и всех, с кем имел дело) на коротком поводке. Казалось бы, жена, брат, пивоварня и городской совет должны были с лихвой утолять жажду власти усопшего (хотя и не оставившего после себя доброй памяти) господина. Однако думать так означало недооценивать и его самого, и коварнейший из грехов, который, по справедливому замечанию Эдмунда Бёрка*, «понемногу истребляет в сердце всякое человеческое достоинство». Да, жизнь Трюфеля была собачьей решительно во всех смыслах. Даже та безграничная преданность, которой славится его племя, подвергалась серьезному испытанию в лице Юстаса Баннета.

И все же под конец удача не обошла Трюфеля стороной. Искупило ли это побои, которые сыпались на беднягу всю жизнь, я судить не берусь. Во всяком случае, его ждала посмертная слава, а лучшей доли (за неимением

* Эдмунд Бёрк (1729—1797) — английский политический деятель, публицист и философ. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

счастья) и пожелать нельзя. Для Трюфеля сбылось главное чаяние всех обездоленных и угнетенных. Хитрая, трусоватая мордочка пса появилась в каждой британской газете, вытеснив с первых полос чем-то похожее на него Гитлера, невротично-бульдोजье лицо Муссолини, поджатые губы премьер-министра Болдуина и неприкрытое обаяние красоток в купальниках. В смерти, как и при жизни, Трюфель был неразлучен с хозяином. Морду терьера неизменно сопровождала физиономия Юстаса Баннета: капризный рот, пенсне, которое особенно привлекало внимание к холодному самодовольному взгляду, — все в этом человеке выдавало язвительность, чванство и затаенную жестокость. А уж заголовки!..

Впрочем, мы забегаем вперед, как сказал один маленький мальчик, подхватив простуду в канун Рождества. Когда Найджел Стрейнджуэйс получил небезызвестное письмо, он, конечно, и не подозревал, какие злоеющие события поджидают его впереди, иначе принял бы приглашение с большей охотой. Найджел отправился бы куда угодно, если поездка сулила запутанное преступление. Чего он всеми силами избегал, так это собраний литературных клубов, а как раз на такое собрание в Мэйден-Эстбери его и пригласили. Вот это самое послание, которое он позже вложил в папку с делом Баннета как вещественное доказательство номер один:

Дорсет, Мэйден-Эстбери, Паунд-стрит, дом 3.

Дорогой мистер Стрейнджуэйс!

Позвольте мне как секретарю местного литературного клуба (с виду неказистого, зато родного!) пригласить Вас с лекцией на наше собрание. Мы проштудировали Вашу чудесную книгу о каролингских поэтах и мечтаем встретиться с автором. В конце концов, желание, как говорится, «воочию увидеть Шелли» — слабость вполне простительная и сама по себе оправдывающая дерзкую просьбу. Я знаю, до чего вы, писатели, занятой народ, но не сомневаюсь, что на-

ши восторги окупят потраченное Вами время. Боюсь, мы не сможем предложить Вам деньги; впрочем, если нужно покрыть расходы, мы готовы устроить подписку! Приезжайте, если сможете, — нам подойдет любой день июня или июля.

Искренне Ваша, Софи Кэммисон.

P. S. Мы живем в краю Томаса Гарди.

P. P. S. Мой супруг знал Вас в Оксфорде и будет рад возобновить знакомство.

— М-да... — сказал Найджел, уныло изучая письмо за утренней чашкой чая. — Вот к чему приводит увлечение писательством. И почему я не избрал прямую стезю детектива?..

— И к чему же оно приводит? — спросила с соседней кровати Джорджия.

— А, ты здесь... Все никак не привыкну по утрам находить в спальне женщину.

— Это гораздо лучше, чем найти в спальне змею, как случилось, когда я...

— Я тебя умоляю, оставь эти воспоминания для «Трех тысяч миль по бушу на мотоцикле с коляской», или как ты там назовешь свои путевые заметки.

— Какой ты милый! Все-таки хорошо, что я за тебя вышла.

— А знаешь, поезжай-ка вместо меня.

— Да скажи наконец, в чем дело!

— Вот в чем! — Он помахал письмом. — Какая-то мерзкая ведьма ждет, что я отправлюсь в Дорсет и выступлю с речью на собрании ее треклятого литературного клуба. Литературный клуб, тоже мне!

— Дай-ка взглянуть.

— И заметь, как она жеманна, — продолжал Найджел. — Так и вижу ее выцветшие лиловые глаза навывкате. Наверняка она брызжет слюной, когда разговаривает, а ее

подруги вздыхают: «Бедняжка Софи — такая тонкая натура!» Она явно из тех старых дев...

— Почему же «старых дев»? В постскриптуме сказано, что Софи Кэммисон замужем.

— Я никогда не читаю постскриптумы: от них только и жди подвоха.

— На самом деле их там два. В первом она пишет: «Мы живем в краю Томаса Гарди»...

— Что и так очевидно из адреса наверху.

— ...А во втором утверждает, что ее муж знал тебя в Оксфорде.

Найджел сел в постели.

— Ага, это уже интересно!

— Ты его помнишь?

— Да, смутно. Но я другое имел в виду: почему эта жеманная карга упомянула про мужа в самом конце? Она явно его ревнует и держит под каблуком, а подругам жалуется, что Герберт — сухарь и не понимает ее. Уверен, миссис Кэммисон считает своим призванием нести в жизнь мужа культуру, духовные ценности и прочую дребедень; и, если меня насчет него не подводит память, работенка ей досталась не из легких. Впрочем, к этому времени Герберт наверняка повержен. От жен другого и не жди.

— Неужели?

— Именно так.

— Не верю ни единому слову. Держу пари, Софи Кэммисон — в высшей степени разумная женщина, да и красотой под стать своему чувству юмора. Насмешливый тон был взят неспроста, а ты и заглотнул крючок по самые жабры.

— Какие подробности... И ты считаешь, я отправлюсь туда задаром — «впрочем... мы готовы устроить подписку, восклицательный знак», — только чтобы выиграть у тебя жалкий фунт?

— Нет, чтобы его проиграть.

— Что ж, решено. Я поеду и докажу свою правоту. И потом, мне любопытно взглянуть, во что превратился старина Кэммисон.

— Выходит, твой интерес к людям опять победил? Ты воплощенная мечта издателя, — поморщилась Джорджия.

— Знаешь, в холодном утреннем свете ты просто вылитая обезьянка.

— Мой милый Найджел!

— Хорошо, не вылитая, но отдаленное сходство есть. Литературный клуб! Интерес к людям! Тьфу!

Однако история, к которой привело это нелепое пари, оказалась и впрямь куда интереснее, чем он ожидал...

Пока поезд, испуская клубы дыма, пробирался сквозь буйный дорсетский пейзаж, Найджел перечитывал письмо миссис Кэммисон. С поездкой он уже примирился. Джорджия, чья необъяснимая тяга к самым дальним и неуютным уголкам планеты снискала ей славу неутомимого исследователя, отбыла на Внешние Гебриды, и Найджел с чистой совестью мог отправиться куда угодно, хоть в Дорсет. Его даже не пугала перспектива благоговейного паломничества к Меллстоку и Эгдонской пустоши* в компании жеманной миссис Кэммисон. В том, что Джорджия ошибалась, сомнений быть не могло. «Софи Кэммисон, — думал Найджел, изучая ее письмо, — непременно окажется из породы игривых кошечек, в чьих мягких лапках прячется набор преполезных когтей. Она, конечно, из тех, кому только дай покомандовать: не литературным кружком, так благотворительным комитетом, женской консервативной лигой, обществом спасения, клубом сохранения кустарных ремесел, вечеринками народных танцев — мало ли на свете занятий, под предло-

* Меллсток, Эгдонская пустошь — вымышленные топонимы, где разворачивается действие нескольких романов английского классика Томаса Гарди и которые он наделил чертами родного графства Дорсет.

гом которых праздные особы любят совать свой нос в чужие дела». Что ж, Найджелу не страшны ее когти.

В назначенный час ветхий автобус доставил его по главной улице, узкой и крутой, к дому номер три на Паунд-стрит. Каменные стены невысокого величественного здания в предвечерних лучах отливали абрикосовым светом. Медная табличка на двери гласила: «Герберт Кэммисон, член Королевского колледжа хирургов». «Да, — вспомнил Найджел, — Кэммисон изучал медицину». И какая, хотелось бы знать, алхимия превратила того необузданного, циничного школяра в образец врачебного такта и профессионального этикета? Тот Герберт, однажды развесивший на веревке через двор все ночные вазы их колледжа, теперь явно был неспособен во весь голос ухнуть в стетоскоп. «*Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*»*, — пробормотал Найджел, переступая порог. В прихожей было темно и прохладно, под ногами гулким эхом отзывались каменные плиты. Горничная взяла чемодан и проводила Найджела в гостиную. Он решил с самого начала дать понять Софи Кэммисон, что не потерпит никаких выходов в свой адрес, однако этот решительный план провалился. Не заметив двух ступенек у входа, Найджел не столько предстал пред глазами хозяйки, сколько пал ей в ноги. Пока он оправлялся и щурился от яркого света, веселый голос произнес:

— Ничего страшного, в первый раз все спотыкаются. Вечно Грейс забывает предупредить гостей.

Найджел пожал руку обладательнице голоса. Миссис Кэммисон была хорошо сложена, румяна и голубоглаза — само воплощение здоровья. На вид ей было не то двадцать пять, не то хорошо за тридцать. Она могла сойти за молочницу с викторианской пасторали, если бы не роскошное платье и очки в роговой оправе, которые совер-

* Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат.).

шенно не шли ее свежему лицу. Найджел невольно про-
бормотал:

— Все-таки Джорджия не ошиблась.

— «Джорджия не ошиблась»? Джорджия — так зовут
вашу супругу?

— Да. Это долгая история и в некотором смысле по-
стыдная.

— Обязательно расскажите! У нас будет время за чаем.
Вы ведь еще не пили чай? Простите, что не встретила вас
на вокзале, — Герберту понадобилась машина.

Найджел приступил к еде — как всегда, с большим
удовольствием. Миссис Кэммисон по-матерински забот-
ливо наблюдала за ним, а спустя какое-то время напо-
мила:

— Так что там за постыдная история?

— Как вам сказать, — осторожно начал Найджел, —
все дело в вашем письме. У меня, э-э, сложилось о вас од-
но мнение, а у Джорджии — другое.

— История оказалась не такой уж длинной.

— Это потому, что я опустил... постыдные подроб-
ности.

— Могу себе представить.

— Надеюсь, не можете. Нет, правда, вы ни капли не
похожи на ваше письмо.

В глазах Софи Кэммисон блеснул огонек. Ничуть не
смутившись, она ответила:

— А вы ни капли не похожи на знаменитого сыщика-
любителя.

— Боже, — расстроился Найджел, — так вы все знаете?

— Я же читаю газеты. Год назад, после того случая
в Четкуме, только и разговоров было что о вас. Это ведь
тогда вы познакомились со своей супругой?

— Да. И как, по-вашему, должен выглядеть сыщик-
любитель?

— Я вам отвечу, если скажете, как, по-вашему, долж-
на была выглядеть я.